

«Я спрашивал мою смерть...»

100 лет со дня рождения Федерико Гарсиа Лорки

Русский телеграф. — 1998. — 5 июня. — с. 9

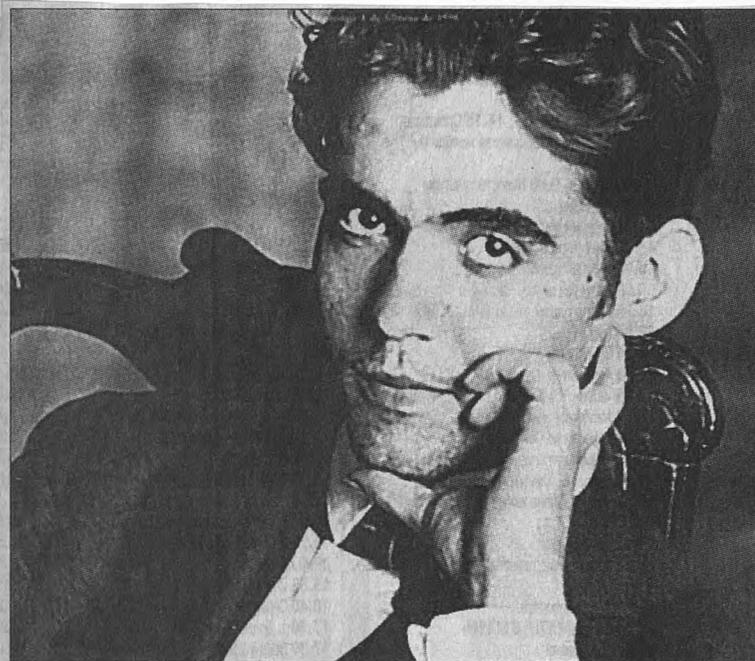
«Принято считать, что среди поэтов XX века русские — полубоги, а испанцы — боги», — не без которого лукавства говорила Ахматова своим будущим биографам. Лукавство состояло в том, что за уклончивым «принято считать» скрывалось ее личное, ахматовское мнение. Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения самого известного и, возможно, ярчайшего представителя этого испанского пантеона. 5 июня 1898 года в деревне Фуэнте Вакерос, в Андалузии, родился Федерико Гарсиа Лорка. Он занимался драматургией (и его пьесы стали мировой репертуарной классикой), театральной режиссурой (и создал передовой для своей культурной ситуации театр). Он проявил себя как литературный критик и музыковед. Кроме того, он немного рисовал и музицировал — так, для себя. Но главной «специальностью» Лорки всегда оставалась лирическая поэзия. Есть люди с абсолютным слухом. Есть люди с фотографической памятью. Лорка обладал неким даром совершенного восприятия действительности. Можно сколько угодно говорить о потрясающей ритмике его стихов, об их осязаемой атмосферности, о спонтанной магии образов и скупом волшебстве метафор... Этот

разговор безбрежен и, очевидно, бессмыслен. Хочется просто расставить некоторые акценты.

Для культурного процесса характерна если не пробуксовка, то определенная заикливость, закольцованность. Все чаще говорят об усталости века, о синдроме конца столетия. Поэзия Лорки — это напоминание о юности XX века. В ней — живая связь с предшествующими культурными традициями, но в ней нет места ни холодной литературной игре, ни вышеупомянутой закольцованности. Юбилей Лорки — это напоминание о неизбежной смене вех. Это намек на третье тысячелетие, на новый год и молодой месяц. Поэтический мир Лорки динамичен и непредсказуем. Он полон самых фантастических образов. Однако сто конных призраков в черном, которые едут по упавшим небесам, или цыганка Пресьоса, звенящая луной как бубон и ускользающая от домогательств ветра, абсолютно подлинны. В мире Лорки ничего не происходит понарошку. Известно благонамеренное высказывание Гете: «Кто хочет понять поэта, должен отправиться в его страну». Вообще-то не совсем понятно. Идет ли речь о месте проживания? Или о той стране, которую поэт сам создает, сам населяет и поддерживает в ней жизнь силой своего слова, а иногда только

обозначает, именуя: небесный Иерусалим, Улыгима Туле?.. Если говорить о Лорке, никакой неопределенности не возникает. Его Индия духа, его родина, его могила — это Андалузия. Мне, например, кажется важным для осмысления поэтического феномена Лорки, что в Андалузии высокое небо. Там много пространства, но нет бескрайних просторов. За плоскими оливковыми полями, за узкой прибрежной полосой всегда топят горы. А день и ночь сменяют друг друга почти мгновенно. Нет сумерек. Легко ощутить нереальность бытия, скажем, в московском блочном микрорайоне спальной застройки или посреди плоской, как стол, военно-промышленной степи где-нибудь под Новосибирском. В Андалузии это практически невозможно. Слишком много изломов и контрастов. И яркое солнце. Там горы — это горы, море — это море... Заинтересованный читатель может самостоятельно продолжить этот могучий смысловой ряд... Я только хотел добавить, что в Андалузии смерть — это смерть... По воспоминаниям друга юности Лорки, Сальвадора Дали, чуть ли не каждая фраза поэта начиналась со слов: «Когда я умру...», «Если я умру...» И похоже, великий эксцентрик не слишком преувеличивал — достаточно раскрыть томик Лорки на любой странице:

«Смерть вошла и ушла из таверны...», «...у девушки мертвой, девушки в белом платье...», «Когда я мир покину, с гитарой схороните...», «Если умру я, не закрывайте балкона...» Не боясь умереть, не отталкивающе-манящий похоронный антураж, но сама смерть, придающая жизни вкус, ценность и обреченность, — вот главная стихообразующая сила у Лорки. Смерть неумолима и окончательна. У поэта нет никаких серьезных видов на католическое бессмертие души. Там — нет ничего. Там — нет никого, кто разбудит, посадит в каноз из кедра и отправит на следующий уровень по условной реке абсолютной любви. Но есть в этом жестком и беспощадном строении мира какой-то трудноуловимый изъяс, зазор. Дуновение надежды. Тайна поэта, тайна стиха. «Если умру я — не закрывайте балкона. Дети едят апельсины (Я это вижу с балкона). Жницы сжинают пшеницу (Я это слышу с балкона). Если умру я — не закрывайте балкона*». В другом стихотворении, «Пролог», Лорка определяет поэзию как «невозможность, что внезапно возможна». И эти слова — нечто большее, чем профессиональная или эстетическая декларация. К концу XX века возобладало убеждение, что зло — это неотъемлемая часть человеческой природы и его нельзя победить — можно только ло-

кализировать, заглушить. У Лорки зло тождественно смерти и существует только вне жизни. Кажется, это и называют гуманизмом.

Федерико Гарсиа Лорка стал знаменитым еще при жизни. Причем как в «узких кругах», так и в народе. Это скорее тяготило его. «У прославившегося человека горькая доля ходит с холодной грудью, пронзенной потайными фонарями, которые на него направляют другие», — писал он другу. Он был великим человеком и заключал в себе огромный мир. Он был новатором и самородком. Он был версификатором и стилизатором. Он был отзывчивым и радуш-

ным. Он был замкнутым и одиноким. Он был авангардистом. Он был почвенником («крестьянским драматургом»). Он был страстным и порывистым. Он был мнительным и ранимым. Он был испанским дворянином. Он был цыганом. Он был мавром. Он был гомосексуалистом. Он был мудр. Он был доверчив. Он был убит 19 августа 1936 года в селении Виснар близ Гранады. Его смерть была насильственной и мученической. Она была нелепой и случайной. Она была неизбежной и закономерной.

АНДРЕЙ НОСКОВ

* «Прошанье», перевод А. Гелескула